

П. М. ПИЛЬСКИЙ

Воскрешать мертвых или звать смерть?

Воскресить мертвых можно. Не только можно, но в этом — и только в этом — заключается последняя задача, конечная цель всех усилий нашего разума, всей науки, всех наших верований. Лишь с этой точки зрения так драгоценно христианство.

С первого взгляда формула похожа на бред — фантазия сумасшедшего, экспансивная выдумка иллюзиониста. Кто смеет утверждать такую цель? Как можно говорить о реальном воскрешении умерших?

Меж тем эта проповедь принадлежит замечательному русскому философу. Его имя — Николай Федорович Федоров, сейчас исполнилось 30 лет со дня его смерти. Федорова называли «праведным старцем», «скромным мудрецом», говорили, что «одно его существование искупает все грехи России»¹. Это был мыслитель исключительно смелого ума, и основным вопросом его философии была победа над смертью.

Это достижимо. Федоров был убежден в том, что для этого нужно лишь изменить в корне хищническое эксплуататорское отношение людей к природе и природы к людям. Ее нужно направить к высшей общей цели, к обеспечению здорового существования, к победе над голодом, болезнями, стихийными бедствиями, над несовершенством человеческого организма и, главное, над смертью. Это и есть задача человечества, общее дело всех людей...

Можно осуществить величайшую задачу мира: воскрешение предков, и это надо понимать как реальное действие, как возможный и достижимый факт. Такая идея должна показаться фантазмагорией. Однако мистически жажда воскрешения предков существовала в человечестве очень давно, и в своих религиозных заклинаниях люди символически воскрешают умерших. Федоров был уверен, что на смену мистике должно прийти положительное, реальное дело воскрешения, и оно осуществится, эта задача будет разрешена средствами разума и науки.

Конечно, Федоров не ограничивался только узкими пределами земли. Пред ним открывалась грандиозная перспектива, обознача-

лась общепланетарная борьба с мировой смертью. Опрощая его учение, иронизируя над этим безмерным захватом мысли, иные лукавцы говорили с полуусмешкой:

— Николай Федорович решил воскресить всех мертвых, но был слегка смущен. Его на минуту затруднила мысль о том, как и где расселить всех воскрешенных. Впрочем, он нашел выход и из этого затруднения. В мире есть еще планеты, и места хватит не только для живущих, но и для умерших, возвращенных к жизни.

Разумеется, кроме прямых насмешников, кроме озадаченных позитивистов, Федоров должен был встретить вражду и отрицание также и в людях отвлеченного мышления, среди приверженцев христианской религии и мистиков. Им казались его идеи туманными и неотчетливыми. Естественно, возникал вопрос, как может быть осуществлена идея воскрешения. Неужели при помощи машин? Неужели лабораторными средствами?

Но тут мы вступаем в область слишком широких и, может быть, не совсем четких построений, — не все идеи можно расплатить на ладони. Федорову было ясно и дорого одно: найти путь для устранения основных общечеловеческих бедствий. Его философия практична. Федоров восстает против разделения мысли и дела. Несчастье людей заключается в том, что среди них образовались две неравные группы: ученые и неученые. Это опасней, чем разделение людей на богатых и бедных. Ученые не могут быть отдельным сословием. Они должны стать как бы комиссией лиц, командированных всем человечеством для выяснения и устранения его нужд, для разрешения насущнейших вопросов мира. А среди этих вопросов важнейшим является только один. Надо разрешить вопрос не о том, «почему суще существует», а другой:

— Почему живущее умирает?

И прежде всего, человечеству нужно устремить свои силы в одну сторону. Оно должно покончить с войнами. Вы ждете слова «мир». Это большая ошибка. Федоров проповедовал не разоружение, не сокращение войск. Наоборот: число войск надо увеличить, но употребить эту силу следует на спасение от общих бедствий. Воинская повинность должна быть расширена до полной всеобщности. Однако в мирное время люди уже не будут отрывать ни от полей, ни от земли, только в свободное от земледельческих работ время они станут собираться в ротные, батальонные и полковые штабы. Федоров требует, чтобы войско было обращено в естествоиспытательную силу, чтоб воинские повинности соединились с общеобязательной.

К ненавистникам войны Федоров жесток. Он нападает одинаково на Толстого, как и на Берту Зутнер²: беспочвенные мечтатели воображают, что можно уничтожить силы, заготовленные для войны, не дав им иного назначения.

— Покой, — говорит Федоров, — ненавистен человеку. Пока не существует великого, действительно общего дела, объединяющего

всех в общем труде, пока человек лишен возможности созидать, он будет непременно разрушать³.

Федоров проповедует общую воинскую повинность для борьбы против природы. Ради такой задачи сейчас не нужно создавать искусственно новую организацию. Она уже существует — воинской повинности должно дать лишь новое назначение. Ведь все, что люди изобретают: все открытия, все улучшения, притом во всех областях, — все неизменно применяется именно к военному делу. Стоит только обратить все эти средства и орудия на спасение людей от стихийных сил — и картина мира, его внутренних отношений скоро изменится до неузнаваемости, просияет победным светом разума и мира. Иначе — катастрофа, — мир бежит к бездне. Новая мировая война — решенное дело.

По технике и приемам это чудовищное столкновение народов будет войной профессоров против женщин, детей, стариков, больных и калек. Профессор вытесняет генерала. Как будет происходить эта война? Еще Адольф Рифлинг рисовал эти виденья роковой весны:

— Будет весенняя ночь. Из Парижа вылетит воздушная эскадрилья. Несколько сот аэропланов. К утру эскадрилья вернется в Париж. А Берлина уже к утру не будет... Т<о> е<сть> Берлин останется в неприкосновенности, — дома, улицы, площади... произведения человеческого гения... Будут уничтожены только люди. Ну, и животные, конечно, и растения. Зелень станет серой, как камень. Ну, а люди — умрут. Все. Уничтожение Берлина будет продолжаться не более трех-четырех часов. В десять дней мы (автор дает слово старичку французу — профессору химии), можем истребить пол-Европы (А. Остромиров. «Н. Ф. Федоров». 1933)⁴.

Человечество истребят газы. На военных складах они уже сейчас хранятся в огромном ужасающем количестве. Грозен в своем мучительном действии будет удушливый газ. Это — газ — гад. Газ не столько смерти, сколько пыток, сжимающий дыхательное горло, действующий медленно, еле заметно, но доводящий до корчей, разрыхления мышц, до их превращения в тряпки. Размягчается мозг, лопаются кровеносные сосуды, из всех пор тела проступает пот.

Можно было бы принять кое-какие меры, защититься масками, но — нет. Противник не допустит и этого: есть еще и подготовительный газ — он обессиливает психически. «Германская армия уже в 1916 г. располагала тремя такими газами: газ смеха, газ слез и газ хихательный. Представьте себе: сотни тысяч солдат в траншеях вдруг начинают хохотать. Это страшно заразительно. Смех передается от человека к человеку, от роты к роте, от полка к полку, от армии к армии. Целая армия хохочет. Людям становится вдруг страшно весело. Как будто они все опьянены. Слегка опьянены. Они начинают весело смеяться. Идет с легкой, еле заметной, невольной, не доходящей до сознания, улыбки. Ну, улыбнулся человек, — ничего больше. Еще человек рядом тоже улыбнулся. И еще и еще. Потом уже десять, двадцать человек, собравшись

в кучу, смеются вместе, громко, дружно, — открытый такой добрый, добродушный смех: “Ха-ха-ха-ха-ха!” Через час сумасшедший хохот, вырываясь неудержимо из сотни тысяч глоток, заглушает даже грохот орудий, — мучительный хохот! Люди изнемогают от хохота, падают в изнеможении».

Газ слез — милостивей.

Во-первых, он лишен этой нечеловеческой, дьявольской иронии. Во-вторых, газ слез «распространяется мигом, разоружает всю армию сразу, в одну сотую часть секунды. Он ударяет по глазам, как бичом, и чрез полсекунды сотни тысяч людей режут голосом, рыдают, обильно льются слезы, — наконец, люди изнемогают. И вот, в тот самый миг когда они в изнеможении падают на землю, их настигает настоящая удушливый газ».

Гуманнее всех газов считается иперит. Мировой войне он был неизвестен. В полтора раза тяжелее воздуха, иперит падает на землю, сверху вниз, дождем. Операция проста: сгущают газ в жидкость, бак прикрепляют к аэроплану снизу. Открывают кран, «аэроплан летит, иперит летится тонкой струйкой, поливает землю, леса, поля, дороги, города, селения. Капельки иперита попадают в дома чрез открытые окна чрез вентиляцию. Кран с сеточкой, конусообразный, и широкая струя густо сеет капли. Аэроплан мчится со сказочной быстротой, — небольшая французская эскадрилья может в течение одной ночи заразить всю Германию».

Но жертвы несколько часов ничего не замечают. Потом начинают странные явления. Вдруг зрачки слепнут. Мгновенно наступает тьма. Всех охватывает дикий, панический страх. Появляется светобоязнь. Однако недаром гаагские профессора пришли от иперита в умиление. Чрез три-четыре дня все проходит, исчезает светобоязнь, но... никогда не умирает страх. Овладевает и остается кошмар.

Первое последствие иперита — эпидемия самоубийств. Потом начинаются заболевания — и спасения нет. «Тело покрывается белыми пятнами, струпьями, — проказа. Потом между белыми струпьями появляются красные пузыри-волдыри — красные, налитые кровью, величиной в человеческий кулак. И такие же струпья-волдыри появляются внутри человеческого тела, — в желудке, в кишках, на легких».

Почему же иперит считается гуманным? А, видите ли, он убивает не сразу, на месте он губит только полтора процента — вот какими маленькими стали наши бедные утешения.

Когда-то первые марксистские журналы захватили для себя эффектные названия: «Жизнь», «Начало». Н. Ф. Федоров тогда же указал, что под «Жизнью» нужно разуметь смерть, а «Начало» означает конец⁵. И в этом случае он оказался (и еще окажется) дальновидным пророком. К сожалению, удачи иных предсказаний несут нам плохие радости.

